

ПУБЛИКАЦИИ

П. И. ЖАВОРОНКОВ

ЭПИТАФИЯ ГЕОРГИЯ АКРОПОЛИТА ИМПЕРАТОРУ
ИОАННУ ДУКЕ

Риторическое искусство, столь высоко ценившееся в предшествующие столетия, продолжало успешно развиваться и совершенствоваться в новых исторических условиях. Никейские писатели и ученые оставили после себя большое количество риторических сочинений: эпитафии, монодии, энкомии, экфрасисы. В настоящее время известно 13 произведений данного жанра. Некоторые из них еще не изданы.

Монодии и эпитафии, написанные в связи со смертью родных и близких или царственных особ, содержали не только биографические факты из жизни дорогих автору людей, но и выражали его отношение к событиям и явлениям общественной и политической жизни. Это в полной мере характерно и для «Эпитафии Георгия Акрополита прославленному императору Иоанну Дуке», в которой Акрополит стремился не только показать значение династии Ласкарей и результаты ее деятельности на внешнеполитической арене, но и предложить рекомендации для установления идеального положения в империи.

Данное сочинение, написанное Акрополитом после 3 ноября 1254 г., можно рассматривать, с одной стороны, как исторический документ, с другой — как памятник общественно-политической мысли эпохи. Жанр произведения, конечно, не позволял автору нарисовать широкую и хронологически последовательную картину политической истории империи до 1254 г. Однако сообщаемые им исторические факты (даже в риторической интерпретации) находят полное подтверждение в созданной им позднее «Хронике»¹.

В качестве памятника общественно-политической мысли «Эпитафия» в значительной мере расширяет наши знания о политических взглядах и идеях автора². Некоторые из них не новы и уже неоднократно высказывались его предшественниками: идея о необходимости единства империи (р. 16.8—10; 18.9—31)³, сравнение государства с судном и колесницей (р. 14.24; 15.1—10, 26.15—16), а императора — с солнцем и мировым столпом (р. 12.13—14; 12.7; 28.15)⁴. Другие идеи, например обоснование законности власти никейских императоров (р. 14.30; 15.2) и права самой империи выступать наследницей и центром объединения всех греческих государств (р. 12.9—13; 29.4—6), диктовались автору современной политической обстановкой. Жизненной необходимостью были, вероятно, вызваны и пожелания Акрополита будущему императору Феодору II Ласкарию проводить такую финансовую и административную политику, вследствие которой дома бедняков не опустошались, а власть над областями находилась бы в руках справедливых чиновников (р. 27.12—20).

¹ *Georgii Acropolitae Opera* / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. Vol. 1. P. 3—189. (Далее: *Асгр.*, I).

² См.: *Жаворонков П. И.* Некоторые аспекты мировоззрения Георгия Акрополита // ВВ, 1986. 47. С. 125—133.

³ Здесь и далее в тексте указаны страница и строка греческого текста, перевод которого дан ниже.

⁴ См.: *Valdenberg V.* Notes sur l'oraison funèbre de G. Acropolitae // ВЗ, 1929/30. 30. P. 93—95.

Однако даже в трактовке традиционных идей Акрополит старался отгалькиваться от конкретной обстановки. Развивая высказанный еще Платоном тезис об идеальном правителе, царе-философе, историк имел перед собой живой пример в образе Феодора II. Сравнение императора с солнцем дополнено мыслью о том, что вселенная согревается и освещается не только лучами света, но и лучами знания (р. 29.8—9).

В целом «Эпитафия» Георгия Акрополита позволяет проследить развитие некоторых традиционных идей, происходившее под влиянием реальных обстоятельств, а равно и взгляды автора на его эпоху и действовавших тогда исторических лиц.

Перевод выполнен по уже упоминавшемуся ранее изданию: *Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. Vol. 2. P. 12—29.*

П е р е в о д

1. Увы, увy, умер великий император¹; увy, увy, знаменитый и могущественный Иоанн. Имя его [приводило] в страх и трепет врагов, а для нас было радостным и желанным. Увы, увy, ниспровергнута самая надежная твердыня ромеев, укрепленная более городских стен Семирамиды², в которой все были защищены и ограждены от козней врагов. Мировой столп, который поднял власть ромеев на поднебесную высоту и сделал ее известной всем, покачнулся и разрушился. Исчез центр круга авсонов³, из которого исходили соединяющие линии, побеждающие и дающие знание спасения и далеко отбрасывающие стрекала врагов, устремленные против нас. Погасло славное и светлое солнце, благодаря которому мы избежали камней преткновения⁴, благодаря которому нам был приятен свет и при котором мы достойно совершали путь как днем. От него исходили приносящие радость лучи, освещавшие все земли ромеев, от которых мужество врагов покрылось пеплом. Его не смогло догнать тело луны и не смогла затмить хвастливость бесстыдных иноземцев, и как мрак не покрыл тучи, так козни коварных врагов [не затмили его дел].

2. Увы, увy, нужно мне прочесть погребальную песнь. О горе, сколь большое несчастье, увy, несчастье у нас. Упало высокое, с широкой кроной дерево, которое осеняло все во вселенной, что не согревалось солнечным жаром и не охлаждалось ледяными потоками. Итак, о присутствующие ромеи, достойны ли мы сами жить, после того как от нас ушел император, который указал нам смысл жизни или место жизни? Считаем ли мы, что живем, а в действительности умерли? Ибо существует смерть, которая [хотя и] не заметна в людях, а на самом деле существует и познаваема для лицезреющих, подобно тому как в мифе смерть превращает людей в камень и обнаруживается, что он (камень. — П. Ж.) не перестает плакать. Ибо скорбь обращает природу человека в камень и делает невосприимчивым ко всему другому, и он только ощущает скорбь и желает плакать.

3. Разве, о ромеи, этот могущественный и самый величественный из всех императоров, что когда-либо [жили] среди людей, разве он зарыт в землю и придавлен холодной плитой, сменив на нее самые драгоценные камни и жемчуга? Он был велик силой и несравненен умом, украшен многочисленными и величайшими победами, которые неисчислимы, как песок в море и (множество) звезд, победами, которые он одержал на суше и на море. От него бежал страшный италиец⁵, его боялся воинственный перс⁶, его страшился кровожадный житель Пеонии⁷, Мисии⁸ и Далмации⁹, копыя его пугались до гадирских границ¹⁰, а клинка его боялись [даже] самые храбрые среди всех. Разве бесцельно он сделался вместе с другими добычей Харона и приносящего смерть меча? И [разве] не превзошла его боевая секира самого Плутона? Кто мне даст глас Стентора¹¹, кто расширит мои уста и сделает их более вестительными, чтобы я сказал слово, достойное горя и соразмерное с величиной несчастья? Кто мне одолжит язык Гомера и речь Геродота, чтобы я мог хоть немного сравниться в слове с великими деяниями самодержца и причитанием слов уравниваться с горем? Но это было бы невозможно [сделать] не только нам, столь неискусным в речах, но и весьма возвышенным в мыслях. Кто мне даст, подобно

Иеремии¹², море слез и грохочущий отголосок стонов, чтобы я смог оплакать надлежащим образом самодержца?

4. Итак, нам следует, о священное собрание, и всем ромеям не только молиться с причитаниями по умершему императору, не только стенать или раздирать себе лицо, не только рвать волосы или громко рыдать вперемежку со слезами, не только быть одетыми в черное в знак несчастья. Таким образом, следует совершить этот священный обряд не только так, но как если бы он был святым (то следовало), чтобы мы умерли вместе с ним, извергнув души и явившись мертвецами, мы, которые прежде благодаря ему имели душу и жили. Поистине дела ромеев давно умерли, пораженные италийской болезнью, вследствие чего [латиняне] сразу, напав на царицу городов, бывшую главою всей ромейской державы, приступом подчинили ее своей власти. Итак, когда они действительно покорили царицу и пленили госпожу, то затем совсем без затруднений сделали все покорным.

И это в самом деле сделалось для ромеев общим несчастьем, непостижимым промыслом божьим, в который не смог вникнуть Павел, восхищенный до третьего неба и оттуда отведенный в рай¹³. Вдруг божественный Иерусалим стал пустыней и, по словам пророка, сделался как шатер в винограднике¹⁴ и как теребинт, с которого упали листья¹⁵. Но бог призвал великого императора, я говорю о Феодоре Ласкаре, который выправил покачнувшееся судно ромеев и сел у кормовых весел, и благодаря богу и своим наилучнейшим природным свойствам был провозглашен на это управление. Он действительно первый среди многих и великих противостоял...¹⁶ непрерывным вторжениям и мужественно сражался с северными и северо-восточными государствами¹⁷. [Прошло] немного времени, и он передал власть¹⁸ по наследству более сильному, вручив управление кораблем праведному и такому, которого он из многих испытал. Он получил по наследству совсем крошечное судно, которое вообще не считалось и не казалось ни вместительным кораблем, ни дромомом¹⁹ или лодкой, но было столь крошечной лодочкой, которую, как справедливо говорилось, он расширил до такой величины, словно построил не тридцати- и сорока-весельные судна, знаменитые в древности или, точнее сказать, непригодные к сражению, но тысяче- и десятитысячевесельные корабли.

5. Но зачем я говорю метафорами и утомляю уши тропами, если можно ясно объяснить дела и представить их очам. Этот великий император, принявший царство от императора и родственника, получил в руки справедливый жребий и удел, а не отнял похищенное, то, что часто случалось со многими другими; он принял такое царство, которое вовсе не было достоянием, чтобы быть знаменитым, и не славное государство ромеев, которое по величине превосходило другие — ибо оно было сжато со всех сторон маленькими и легко очерченными границами и было окружено непрочными стенами, и то только на Востоке²⁰, в то время как италиец грабил большую часть ее. Он, получив в удел вот такое царство и приняв в расчет, что царское достоинство не служит благу людей как предмет роскоши, и не есть повод к обогащению, и не побуждение к ленности, но основа для больших сражений и для разумных трудов, битв и сопутствующих им наград, которые бог дает тем, кто неутомимо сражается за праведные дела. Размышляя об этом, он возвысился в мысли и уверился в расчете и среди не совсем необыкновенных дел сделал кое-что не маленькое, скромное и не благородное, но мужественное и замечательное, такое, что не приходило на ум даже ранее жившим.

6. Когда италийцы были воинственны по природе и когда они очень гордились тем,* что они совершили против нас, и когда сделались еще более воинственными и приобрели большую часть восточных земель, как мы сказали, — ибо им подчинился Скамандр, покорился и Адрамиттий и они продвинули лагерь вплоть до Пергама, сделались владыками областей Пиги и Лентяны, исключая Лопадий, а кое-кто тогда иногда нападал и на Никомидию, видя, что все области вокруг они разделили [между собой] как подвластное²¹, — когда в таком состоянии находились восточ-

ные области, когда болгары захватили западные провинции, бывшие у нас ²², и когда ромей восстал против справедливого ярма и рабства, но были покорены и поработочены ²³, как все знают, — когда именно таковы были дела, которые могли внушить нерешительность не только имеющим такую маленькую державу, какую он получил, но и людям, славным богатством, городами и войском, он не испытал ничего, что свойственно человеку, не был приведен в уныние, не был напуган, не убежал в страхе от звериной природы италийца и весьма склонного к сражениям, подобно кабану, бросающемуся от меча, и не считал препятствием трусость, охватившую ромеев, но всесторонне обдумав все, он сам противопоставил себя одному всем и [выступил] против всех и, руководя делами, приветствовал сражение с италийцами и отверг мир как бесполезный; ибо справедливая война лучше плохого мира. Он считал неслыханной и присущей низменному духу мысль, что можно видеть своими глазами то, как прежняя держава и то, что ей принадлежало, была обрабатываема чужими и что чужие люди получали с нее плоды и считали своим участком.

7. С этого сражения ²⁴, в котором италийцы были разбиты, бог охранял справедливость и провозгласил начало его благородства и мужества. Ибо италийцы потерпели полное поражение и были побеждены в такой победе, видя которую, солнце радовалось. Что за солнечный свет тогда увидели ромей, какую радость дня. Так они обратили в бегство чужеземцев, забрали все их вещи и привели их всех пленниками и связали захваченных канатами рабства, наполнились всевозможной добычей и всяческой радостью. Так это произошло: гордец — пал, поднявший брови — оставил свое хвастовство, была повержена гордость, а италиец явил пустую надменность и слабость.

8. И с этого времени мы были воспламенены и согреты, в то время как они лишились сознания и умерли, и он понемногу привел нас на вершины, которые не заслуживают презрения. Так он изгнал италийца с ромейских земель и крепостей, устраивая за каждую из них жестокое сражение, как в разгаре зимы, когда часто идет дождь и земля покрывается снегом, когда даже вода замерзает из-за чрезмерного холода, а земледelec и пастух вынуждены совершенно бездействовать, и один запирается в жилище, а другой проводит время в пещерах, чтобы не смотреть на свет, так и в самой середине лета, когда каждый человек желает пребывать возле источников и в тени деревьев или охлаждаться искусственными овеваниями. Но он был неутомим, и тело его было адамантовое, невосприимчивое к различным свойствам погоды, и бесстрашен духом по отношению к движениям и нападениям врагов и нисколько не был обессилен в течение долгого времени и тяжелого труда. Он не выбирал время для сражения, но всякое время считал подходящим для того, чтобы рисковать собой за свою судьбу и сражаться за то, что ему было доверено на пользу богом, и то, что для другого было бы концом, для него было началом, и то, что каждый, совершив, считал бы достаточным, он воспринимал, как если бы ничего не произошло. Едва он ставил памятник победы в одном сражении, как находил повод к другой битве и другому сражению. И он тотчас же начинал бой, и блестили панцири, щетинились копыя, выставлялись вперед щиты, и он, управляя ходом боя, сражался впереди многих и первым подвергался опасности. Он брал копыя раньше других, его конь устремлялся и летел впереди остальных, и он разбивал своими руками врага; и снова победа, и снова великие трофеи.

9. Таковы были последствия его сражения, и такова слава его победы. Что же удивительного в том, если он, будучи таким, по мужеству, по уму и в том и в другом несравнимее с остальными, если он, такой выносливый в сражении, настолько увеличил границы ромеев: какова их величина и их размеры — пусть каждый ромей и чужеземец окинет взором и увидит. Получив в удел все восточные земли, он освободил их от рук италийцев, и все они благодаря ежедневным трудам подчинились императору. И перс теперь возлюбил спокойствие, перс, который получает наслаждение от битв, быстро нападает, грабит и убегает. Теперь лук у него сокрушен,

стрелы разбиты и копье поломано, так как он много пострадал от частых столкновений и у него многие близкие обращены в бегство, а самые знаменитые убиты ²⁵.

Пусть моя речь пойдет о другой стороне, т. е. о западе. Кому когда-либо приходило на ум такое большое счастье и слава ромеев? Какой ум подозревал, что с нами случится такое благо? Весь запад пал под ноги императора, преклонил колена и считает повелителем. На западе с нами граничит трибалл ²⁶, и скорее всего не он сам, потому что пишется рабом и подчиняется императору, как слуга, и вынужден поставлять войско, как дань. С другой стороны, границы очерчивает мисиец ²⁷, но не сам он их очерчивает, потому что в действительности и он подчиняется этому императору. Немного дальше на запад находятся области, которые еще не подчинены императору, — я имею в виду области Пелопоннеса и Еврипа ²⁸, — а подчиняются италийцам и являются их владениями.

10. Именно таковы его доблестные деяния и таковы его успехи. Это побуждает ромеев петь погребальную песнь, заставляет рыдать и испускать слезы из глаз, подобно бьющему ключу, когда они вспоминают прежние несчастья и испытания, которых никто не надеялся избежать, когда они вспоминают последующие славные и блистательные дела, от которых к нам пришло процветание и столь великое счастье. Случилось то, что о нас все говорят как о превосходящих всех других по богатству, изобилию и удачам, что все враги обращены в бегство и отогнаны, и все считают, что самыми мужественными из всех людей являются ромеи, прекрасно обученные военному делу под командованием самого благородного воина и полководца и выученные не дрожать перед противником, а бросаться вперед на мечи, если в этом есть необходимость, сражаться не только за себя самих, но и быть самыми отважными среди всех других.

11. Так нужно ромеям оплакивать императора, и так следует оплакать нашего владыку. Необходимо и мне, о присутствующие, снова сделавшемуся оратором, мне, изощренному в произнесении речей, почтить владыку не [только] такими словами и не [только] так воздать должное за столь значительные благодеяния. Я имею в виду не общие и касающиеся всего народа благодеяния, от которых всем благо, я имею в виду не освобождение городов, не их возрождение или восстановление, изгнание врагов и покорение некоторых [из них], я имею в виду не освобождение и благополучие всех ромеев, для которых — позор быть в рабстве у врагов, я имею в виду не распространение или возвышение народа или как бы это кто-либо [другой] ни пожелал назвать. Я имею в виду не эти общие дела, но нечто другое и более для меня близкое. Ведь я получил от него возможность говорить и сделаться таким, какой я сейчас, будучи вскормленным этим императором и воспитанным в науках благодаря его постановлениям. Следует, чтобы я говорил не такими словами, а возвеличил бы другими [словами] — не скорбящими, а хвалебными, не печальными, а прославляющими, не заставляющими орошать слезами лица, но делающими радостными слушающих. Так следует составить речь и так следует ему воздать, но время для таких слов прошло после случившегося. Ибо ранее это связывало мне язык, так что я не мог ни за что принести благодарность; но так он был прежде связан. Ныне же смерть императора развязывает его на грбе и разбивает к несчастью оковы, и я, несчастнейший ритор, совершаю повествование глубоко скорбящим и опечаленным слушателям.

12. Но что я хочу сказать? Как я могу выразить величину несчастья, охватившего ромеев? Как я расскажу в речи о случившемся? Ибо если все войско оплакивает одного доблестного воина или полководца и скорбит о несчастье, то смерть столь великого императора и такого доблестного, бесчисленные победы которого и подвиги против врагов с трудом могли бы описать и некоторые большие, составленные мудрецами книги. И когда это несчастье случилось у ромеев, разве не каждый разразится бесчисленными воплями и не возрыдает из глубины, не испустит стон, не издаст крики сострадания, не будет раздирать себе ногтями лицо, вырывать волосы на голове и посыпать ее пеплом, рвать на себе одежду и надевать на себя ру-

бища и разве вся вселенная скорбно не возрыдает? Мы, обращаясь к истории, узнаем мировые беды, вселенские несчастья, всеобщие разрушения, происходящие страшные землетрясения и разверзание земли, выплескивание моря, потопление людей, а потом пожары величайших городов. Ибо всякая стихия — огонь, вода и воздух, вышедшая из естественных границ и преступившая обычные порядки, поражает человека. Совершались наводнения и у других народов, и случалось, что и мужчины продавались в рабство, и женщины с грудными младенцами видели день рабства, а у некоторых случались и проливные дожди, после которых все затоплялось. Это все страшная, действительно, крайне тяжелая и самая мучительная естественная смерть. Природа знает, что происходящее не ново: эти потрясения стихий похожи на беспорядочную игру или призрачную судьбу.

13. У людей часто случаются из-за этого катастрофы — одни с большим количеством людей, другие — с меньшим. Но ничего нет печальнее, чем гибель вождя, опытного в управлении, прекрасного во всем — по облику, по силе, мужеству, справедливости и уму, а кроме всего — по благородству и кротости, что заставляет подданных считать владыку вместо отца. Но [основная] черта его мужества, непреклонности, выносливости и крепости, словно квадрат, — страстность духа или огня, когда призывает время и когда настает крайний срок; и в соответствии со всем этим [находятся] его свойства ума, который превосходил все добродетели или, лучше сказать, который представлял добродетели, являлся и назывался добродетелью. Из всех этих черт, что присущи нам и что дает время, вырисовываются [его] характер и свойства. Так как мы вспомнили благородство и кротость, то в этом месте речи у меня выступают слезы, когда я вспоминаю его сострадание к оступившимся, и я думаю, что все на этом месте [еще] больше будут плакать. Вспомните. Погиб ли какой-либо человек даже из-за очень большой вины перед самодержцем? Перед таким императором, который в короткий срок сделал всем известной державу и превзошел [всех], будучи удивительным и невиданным. Разве известно кому, что кто-либо умер насильственной смертью от него, я уже не говорю о небольших или незначительных проступках, но даже и из-за весьма злорадных и коварных восстаний?

Самое последнее и самое первое из зол — государственный переворот. Но тот, кто замыслил восстание против него, был сразу схвачен. О справедливость и добродетель! Кто и против кого! И кто бы ни был тот, который злодейски задумал козни, если только он ел хлеб, пил воду и назывался человеком, то он, как я говорил, сразу же схваченный, немедленно был помилован: с обрезанным носом, отрубленной ли рукой и, самое большее, выколотыми глазами. Но такое наказание было главному [зачинщику], другие же из свидетелей не познали гнева, не претерпели злости, но тотчас же справедливо были освобождены ²⁹. И это случалось не один раз, не два, а часто ³⁰. И он действительно отпускал грозных злодеев и убийц, готовивших для него гибель, которым он больше всего делал добро и которым давал бесчисленные дары, но бог прекрасно воздал им за их замыслы. Император миловал, потому что видел, что он защищается богом, который один наказывает неизлечимыми и долговременными болезнями и внезапной смертью того, кто имел все время здоровое тело. Другого же, подобно многим, участвовавшим в сражении, он оставляет одного и делает его целью для стрел ничтожного человека. Короче говоря, он всех их погрузил в недра земли. Так бог воздает надеющимся на него, и они через некоторое время будут освобождены от этих обвинений.

14. Кто [другой] мог бы похвалиться такой славой его мягкости и кротости? Разве что самый кроткий Давид — так он был милостив. Я думаю, что только он превзошел бы его одного. Ведь кое-кто совершал [против него] довольно враждебное, вплоть до обращения с дурными словами или с обычными укорами. Он сносил и более грубые слова, высказанные говорящим резко, и считал их пустой болтовней, переносил беспорядочные козни, зная, что бог воздает кротостью кротким и человеколюбием человеческим. Таково было его свойство мягкости, таково доказательство

приветливого сердца, которым бог наслаждается, а каждый подданный радуется.

15. Я же, присутствующие и собранные несчастьем ромей и приготовившие скорбную песнь, приведен в замешательство от многих и великих доброт повелителя, бездны доблестей и бесчисленного множества наград за мужество. Я совершенно не способен это описать, я хочу только рассказать кое о чем из его великих деяний и сказать о какой-то части его благородства, но в обоих случаях меня встречает бесконечность [его дел] и то, о чем другой бы мог сказать многое, я не могу выразить. Безмерное половодье [его дел] обнаруживает недостаток слов; точно так же, как в сосудах с узким горлом, когда вода действительно льется непрерывно, она не находит доступа [в горло сосуда]. Так случалось и с некоторыми великими событиями, которые превосходили написанное в бесчисленном количестве своим естественным величием. Императором Титом³¹ восхищаются, когда он во время засухи в присутствии всего войска слезает с коня и, протянув руки к небесам, говорит: «Пощади эти руки, боже, которые не проливали человеческую кровь, и пошли дождь на землю»³². И тотчас на них хлынул дождь. Хвалят и Иосифа³³, сына Израиля, который сделался кормильцем Египта, заботился и принимал меры о будущем. Я же думаю, что руки нашего императора были бы более пощажены богом. Ибо правление Тита ограничивается небольшим отрезком времени, а его (Вагаца. — П. Ж.) правление продолжалось немалый срок, и за все это время он не сделался виновником пролития человеческой крови, и не было ни одного на земле человека, убитого его руками. Таким образом, если бы он только пожелал, он не только бы заставил пролиться дождь из туч, но разбил бы скалу, заставил бы вдруг пролиться воду и шел бы по морю, как по твердой и сухой земле. . . Насытились, как войско Моисея³⁴. Он, подражая Иосифу, изображал кормильца не ради алчных доходов. Ибо он многим делал дары безвозмездно и всегда к ним испытывал сострадание.

16. Так он открывал человеколюбие и милосердие души всем, а более всего увечным и изнуряющим тела, слезы которых сделались для него очистительным омовением и очищением от телесной нечистоты. Чем удивительно и исключительно деяние Ноя? Разве не спасением ковчега во время вселенского потопа? А у него разве ковчег не больше и не удивительнее: вся земля ромеев была спасена из всемирного и уносящего все водоворота. И разве у него чистые, законные порождения не превосходят по числу нечистые; разве он не превратил одновременно множество нечистых в чистых; разве он не спас их от потопа телесного, а тем более от духовного? Разве вы не видите великое множество скифов? Он их сам освободил от ожидаемого бича врагов и снял позор с души крещением в купели. И они теперь овцы Христа, прежде бывшие волками, приведенные ради спасения на зланные места под власть первого и главного пастыря Христа, и собаки лаяли во время движения их животных по уделу владыки³⁵. Разве это не достойно удивления? Разве это не похоже на знамение и чудеса Моисея, через которые бог был прославлен? Кто будет оплакивать дела иудеев, народ который крепко держится древних заповедей и присваивает себе тень и букву? Он же легко и быстро против всякого ожидания привел к благодати и истине всех, убедил словами не верящих в чудо и укротил дарами людей со злобными мыслями, и не только с презрением отказался от ежегодных больших податей, но, кроме того, давал многочисленные подарки.

17. Если бы кто-либо захотел прославить это, то ему бы не хватило десяти языков, которыми, как богатством, обладал поэт. Я же думаю, что если бы я имел сто или более языков, то все равно я не смог бы по достоинству его прославить. И это так, если кто-нибудь говорил трудное и почти невозможное похвальное слово. Мне же предлагается не слово восхваления, а, напротив, [слова] жалоб и сетований. Ибо мы пришли не восхвалять, а собрались вместе, чтобы оплакивать словами. Конечно, необходимо петь погребальные песни и оплакивать повелителя. Но разве, о народ

ромеев, наш обычай всегда и везде оплакивать не имеет времени для прекращения горя? Почему не оставить слово радости в душе, не источать по каплям некоторую росу удовольствия в сердце, если у всех пресыщение, как представляется на деле и в действительности? И если [пресыщаются] радостью, то гораздо больше печалью. Но как бы это сделать — кто может сказать? Или мы забудем такую великую беду? А если вы в этом сомневаетесь, то я сам предложу решение. Ибо я утешу ваше страдание, сделаю несчастье более легким, приготовлю вам напиток духовного руководства, подмешав к нему утешение. Это то самое известное снадобье в поэме, которое Елена, дочь Тиндара, получила от некоей египетской женщины. «Вот, — сказала она, — если кто выпьет когда-либо случайно это [снадобье], то жало скорби целый день не поразит его сердце, даже если отец, мать и брат будут лежать мертвые перед его глазами»³⁶. Действие, которое оказывает снадобье, знают Гомер и те, которые восхищаются его творениями. Я же, о ромеи, зная, что вы все испили море случившихся с вами страшных бедствий, погружались в море несчастий или уносились течением, сам могу вас привести к отдыху и приготовить вам снадобье, которое заставит прекратить у выпивших его не на один день душевную боль, как об этом говорится в песне, но на все времена и на все время жизни, отмеренное для каждого из живущих.

18. Может быть, вы ищете снадобье и думаете, что это такое? Это слово. Речи являются снадобьем для разумных, как травы для тел. Это не ново и знакомо вам, даже если об этом рассказывается по-новому. Вы, ромеи, считаете, что император умер; он же не умер, а снова живет. Да разве вы не понимаете этого и не можете сообразить, как это произошло? Император действительно живет среди нас. Я говорю не о жизни, свойственной разумному духу, в отношении которого все умершие не умерли, я говорю о жизни здесь, видимой взорами. Или вы не видите императора, глядя на его сына? Разве это не он сам? Разве он не сходен с ним телесными признаками и не равен душевными качествами? Разве он не является его одушевленным образом, изображением его природы? Разве он не управлял совместно с отцом с самого рождения, не был вместе с ним за рулем их мирового судна, не держал вместе с ним бразды правления вселенской колесницей и не доводил до конца сражения? И он теперь наш император, а поэтому следует не только оплакивать, но и следует радоваться, [хотя это] и необычно.

Таким образом, тот (Ватац. — П. Ж.) упрочил нашу державу, увеличил наши владения до теперешних пределов, и сделал каждый из дней благоприятным днем, но он не смог противостоять отделению души, когда от естественных причин ослабла ее связь [с телом], и передал власть и державу именно этому сыну, прекрасному на вид и еще более прекрасному духом, короче говоря, самому высшему по доблести, и дела пошли так, что смена правления для подданных [прошла] почти незамеченной. Разве это не большая причина для радости, чем для печали? Ибо народная мудрость [говорит], что умерший муж является в добром и прекрасном сыне и не умирает.

19. Радуйтесь же, племя ромеев, радуйте и веселите души, доставляйте удовольствие сердцу ласковыми словами. Нам на радость достался такой император — я смело скажу слово, — который никогда не доставался ромеям. Теперь у ромеев действительно есть надежда, что процветание будет увеличиваться и возрастет радость. Теперь радость будет вселенской и прочный мир будет пребывать на земле, мир среди иноземцев и мир среди коренных жителей, когда все будут мирно жить и каждому будет достаточно своего. Не будет один обижать другого, не будет грабить ближнего. Ибо каждый, согласно пророчеству, будет отдыхать под своей пинией³⁷. Никто не будет скрыто решать, и устойчивость весов справедливости не будет связана с тяжестью золота. Он знает, что произнесет неподкупные слова в решениях, делается опорой справедливого разбора дела, негибачимым к несправедливости. Практор не будет обирать земледельцев, а закон не будет опустошать дома бедняков. Ибо он знает другие законы, кото-

рыми будут спасены подданные. Он даст власть над областями не наглым или глупым, а самым справедливым, не необузданным, а самым человеческим, чтобы не грабитель и губитель завладел властью, [тот], для которого пища — горе людей, а питье — их слезы и который наслаждается бедами ближнего, радуется грабежам и опьяняется в душе, используя время своей власти, а чтобы муж почтенный, самый справедливый, самый радушный и имеющий страх божий был бы избран на руководство делами, [тот, кто] украшен совестью, увенчан образованностью и держится справедливости и истины.

20. Он только что сделался императором не благодаря [умению] верховой езды или искусству стрельбы из лука, не благодаря [умению] метко бросать дротик или красиво потрясать копьём, не благодаря [умению] ловко выставлять щит и не благодаря некоторым более быстрым, но мало достойным движениям, которые раньше считались забавами, хотя и достигли совершенства, но благодаря речам, книгам и своей философии, а также наукам и самому высокому знанию из существующих. Необходимо, чтобы все это сделалось известным. Ибо кто-то из самых древних ученых сказал ³⁸, что тогда города избежат бедствий и благо будет обитать в них, когда правители будут заниматься философией или будут править философы ³⁹. В нем сошлось то и другое: и император, который любил философию, находится у власти, и тот, кто стал философом, является могучим императором. Разве вы не видите, что он более славен, чем гомеровский Агамемнон, который возвышался, Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный, станом — Арею, грудью — Посейдону? ⁴⁰ Я бы сказал, что он не подобен царствующему мужу, но, как и Пифия ⁴¹, я сомневаюсь: назвать ли его богом или человеком, и все-таки я отдаю предпочтение тому, что он есть бог и называется им. Он становится богоподобным из-за мудрости, точно так же, как является императором по знатности, по природе мышления, по доблести и по [своим] превосходнейшим делам.

21. Таким образом, если мы решились оплакать повелителя, как некий столп ромеев, поднявший их дух на вершину, так вот вам другой столп, и, может быть, огненный столп, ведущий новый Израиль в обетованную землю ⁴², где текут молочные и медовые реки, из которой мы были жестоко выброшены. Тот был как бы башня, внутри которой спасаются и укрываются от опасности, но вот более укрепленная и надежная башня. Дайте мне сказать правду. Отец не рассердится, если назвать более славным именем его сына, который известен как выдающийся в делах. Уже давно отец провозгласил его лучшим из всех людей и даже [лучше] самого себя. Меня убеждает в этом утверждение императора, и об этом свидетельствует ясность относительно [выбора] императора. Так как у вас имеется достоверное известие об этом, а не какое-либо предсказание, то пусть в моем слове будет связь с прежними делами. Будем ли мы искать дерево, что все укрепляет и поддерживает, под которым бы мы прятались от горестей? Ибо вот другое и более славное дерево, покрытое многочисленными зелеными листьями и созревшими плодами, готовое к предстоящей уборке. Мы будем отдыхать в его тени, мы будем страстно желать, чтобы он был неким побеждающим и притягивающим центром в круге; и вот вам более определенный центр, который может переходить из одних кругов в другие, гораздо большие, до бесконечности. Мы считали умершего как бы вселенским солнцем, и мы знали, что освещаемся его лучами, но вот уже и другое, более яркое и ясное солнце озаряет лучами знания не только земли ромеев, но и все пределы ойкумены. Если мертвого мы будем оплакивать с сочувствием, то живому будем радоваться с большей любовью. Если того мы будем оплакивать умеренно и милостиво, то этого будем жаждать более желанно. Таким образом, о ромей, мы не лишились ни одного из прежних благ, более того, мы получили их лучшими и более славными и мы перешли от процветания к еще большему процветанию.

- 1 Иоанн III Ватац умер 3 ноября 1254 г. и похоронен в Сосандрском монастыре.
- 2 Имеется в виду Вавилон, который в конце IX в. до н. э., в правление царицы Шаммурама (в античной литературе — Семирамида), был ею укреплен мощными оборонительными стенами.
- 3 Авсоны — древнейшее племя Юго-Западной Италии. В византийской литературе — население древней Италии, потомками которого считали себя византийцы («ромей»).
- 4 См.: Евангелие от Иоанна. 11.9.
- 5 За 30 лет, начиная с битвы при Пиманиноне (весна 1224 г.), Латинская империя потеряла почти все свои владения как в Азии, так и в Европе и территория ее уменьшилась почти до городских стен Константинополя, завоевателей которого Акрополит называет италийцами, так как они, по его мнению, прибыли из Италии.
- 6 Персами автор называет сельджуков и кочевые пограничные племена туркмен. О взаимоотношении Никеи с Иконийским султанатом в период царствования Иоанна III см.: *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Восток // ВВ, 1978. 39. С. 93—97; *Savvides A. G. C.* Byzantium in the Near East: Its relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols A. D. c. 1192—1237. Thessalonike, 1981. P. 175—190.
- 7 Область, находящаяся между верхними течениями рек Стримон и Вардар (др. Аксия). В описываемое время данная область принадлежала Болгарии, но осенью 1246 г. была завоевана Ватацем. См.: Асгор. I. P. 78.14—22.
- 8 В древности Мисия (правильнее — Мёзия) — не путать с Мисией на северо-западе Малой Азии — территория между нижним Дунаем и Балканами, делившаяся на Верхнюю (Западную) и Нижнюю (Восточную). В первой половине XIII в. большая часть бывшей Мисии принадлежала Болгарии, но в результате двух успешных походов Иоанна III Ватаца в 1235—1237 и 1246 гг. принадлежавшие Болгарии южная часть Фракии и Македония были присоединены к Никейской империи. См.: Асгор. I. P. 51.13—20; 78.14—22.
- 9 Далматическое побережье в районе Диррахия, населенное албанскими племенами и сербами, было завоевано уже при Феодоре II в 1256 г. Однако по договору, заключенному в конце 1252 г. с эпирским деспотом Михаилом II, к Никее отходили восточноалбанские города Прилеп, Велес и Кроя. См.: Асгор. I. P. 91.24—92.8.
- 10 Город Гадиры (ныне Кадис) расположен на юго-западе Испании. Так как влияние Никеи не распространялось столь далеко, то выражение Акрополита «до гадирских границ» можно понимать двояким образом: в переносном смысле — «до самых отдаленных областей» — либо как намек на участие в боевых действиях никейского военного контингента, посланного весной 1250 г. Ватацем в Италию на помощь его союзнику Фридриху II Гогенштауфену (см. подробнее: *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад / ВВ. 1975. 36. С. 113—114; там и литература вопроса). За Италией, на другом берегу Средиземного моря, начинались уже «Гадирские границы».
- 11 Греческий воин, участник Троянской войны, обладавший необыкновенно громким голосом.
- 12 Книга Плач Иеремии. 2, 18.
- 13 Второе послание к Коринфянам. 12, 2, 4.
- 14 Книга пророка Исаии, I.8.
- 15 Там же. I.30.
- 16 Лакуна в рукописи. Издатель греческого текста предлагал вариант: «...напору волн и положил конец водовороту...»
- 17 Речь идет о борьбе Феодора I с Латинской и Трапезундской империями.
- 18 Феодор I Ласкарь умер в начале 1222 г., и на престол вступил его зять Иоанн III Ватац. См.: *Gregoire H.* Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure. P., 1960. T. 1. P. 23.
- 19 Быстроходное, большой грузоподъемности и вместимости (свыше 200 гребцов и 70 воинов) боевое византийское судно.
- 20 Мирные отношения Никейской империи с Иконийским султанатом установились при Феодоре I с 1216/17 г. Подробнее см.: *Жаворонков П. И.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг. // ВВ, 1976. 37. С. 56—61.
- 21 Осенью 1204 г. брат латинского императора Бодуэна — Анри д'Эно и знатный рыцарь Пьер де Брашель вторглись в Азию и захватили указанные области и города. См.: Асгор. I. P. 11.21—12.4.
- 22 После победы в Адрианопольской битве (14 апреля 1205 г.) болгарский царь Калоян в течение 1205—1207 гг. завоевал районы Южной Фракии и Македонии, принадлежавшие ранее Византии.
- 23 Имеется в виду борьба Феодора I Ласкаря в 1206—1208 гг. с независимыми греческими архонтами в Малой Азии Саввой Аспиденом, Феодором Манкафой, Мануилом Маврозоном, которые потерпели поражение в борьбе с никейским императором. См.: Асгор. I. P. 12.5—21.
- 24 Сражение никейского войска с латинянами весной 1224 г. при Пиманиноне. С него началось окончательное изгнание их из Малой Азии и завоевание Никеей областей Балканского полуострова.
- 25 26 июня 1243 г. при Кёсе-даго 180-тысячное сельджукское войско было разбито татарами-монголами и султан Кай-Хюсрав II просил помощи у Никеи и заключил с Ватацем дружественный договор. Подробнее о взаимоотношениях между Никейской империей и Иконийским султанатом, датировке событий и литературе вопроса см.: *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Восток: (Взаимоотношения с Иконийским

султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40—50-е годы XIII в.) // ВВ, 1978. 39. С. 94—95.

²⁶ Трибаллы — древнее племя иллирийского или фракийского происхождения, обитавшее на территории современной Сербии. Вероятнее всего, что под «трибаллами» Акрополит имеет в виду албанцев, в этническом формировании которых основным элементом были иллирийцы и фракийцы. В конце 1252 г. албанский князь Гулам перешел на сторону Ватаца, сдав некоторые города. См. примеч. 9.

²⁷ Т. е. болгарин.

²⁸ Еврип — пролив между о-вом Эвбея и беотийско-аттическим побережьем. Остров Эвбея принадлежал Венеции. На территории Аттики образовалось Афинское герцогство, в Беотии и Фокиде — ряд мелких феодальных сеньорий крестоносцев. Полуостров Пелопоннес занимало Ахайское княжество.

²⁹ В 1225 г. возник давно подготовлявшийся (Асгор. I. Р. 37.2—3) заговор против Иоанна III Ватаца, в котором участвовали многие представители знати. Среди заговорщиков были двоюродный брат императора Андроник Нестонг, родной брат последнего Исаак Нестонг, представители родов Тарханиотов, Синадинов, Стасинов, Макринов и др. См.: Асгор. I. Р. 36.18—37.2. Из всех лиц, участвовавших в заговоре, только Исаак Нестонг и Макрин были ослеплены, а остальные посажены в крепость в Магезии, из которой их вскоре выпустили. См.: Асгор. I. Р. 37.8—18.

³⁰ В 1233 г. восстал кесарь Лев Гавала. См.: Асгор. I. Р. 45.19—46.3. В 1252 г. подозрение пало на Михаила Палеолога, над которым в Фессалонике состоялся суд. См.: Асгор. I. Р. 93.1—4; 99.3—100.15.

³¹ Тит Флавий Веспасиан — римский император в 79—81 гг.

³² Акрополит приписывает эти слова Титу, хотя в «Римской истории» Диона Кассия (71.9) речь идет об императоре Марке Аврелии (121—180 гг.) и его легионах. Книга 71 Диона Кассия дошла только в сокращениях и извлечениях, сделанных византийскими историками XI—XII вв. Зонарой и Ксифилином.

³³ Библейское предание (Бытие. 39—50) о пребывании Иосифа в Египте относится некоторыми историками к XVII в. до н. э. См.: *Косидовский З.* Библейские сказания. М., 1966. С. 110.

³⁴ Лакуна в рукописи. Конец фразы см.: — Исход. 16.11—18.

³⁵ В конце 1230-х годов на Балканы, уступая натиску татаро-монголов, вторглись половцы. Ватац сумел их привлечь на свою сторону, крестил и около 10 тыс. человек поселил во Фракии и Македонии, а также в Малой Азии — во Фригии и на Меандре. Они стали акритами. См.: Nicephori Gregorae Byzantina historia / Ed. J. Schopen. Bonn, 1829. Vol. 1. P. 37.4—9; *Σαββίδης Α. Γ. Κ.* Οι Κομάνοι (Κομάνοι) και τὸ Βυζάντιο (1105—1305 αἰ, μ. χ) // *Βυζαντινά*, 1985. 13. Σ. 949—955.

³⁶ Гомер. Одиссея. IV.220—224:

В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Горе усладного, миротворящего, сердцу забвенью
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Спитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
Если б начинаяно брата лишился иль милого сына.

³⁷ Книга пророка Михея. 4,4.

³⁸ Платон. Государство. 473d, 474b, 497b, 499—503b, 520a—e; Письма, 328a.

³⁹ Ср.: Асгор. I. Р. 49.20—21.

⁴⁰ Несколько неточная цитата из Гомера (Илиада. II. 478—479):

Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
Станом — Арею великому, персями — Энносигею
(пер. Н. И. Гнедича).

⁴¹ Вещая жрица в храме Аполлона Дельфийского.

⁴² Исход. 13.21—22.